

2. Болховитинов Н. Н. Россия и США: становление отношений, 1765–1815: сборник документов. — М.; Вашингтон, 1980; Россия и США: архивные документы и исторические исследования. — М., 1984; Bolkhovitinov N. N. Russia and the United States: An Analytical Survey of Archival Documents and Historical Studies / translated and ed. by J. Dane Hartgrove. — Armonk, N. Y., 1986.

3. McMahan J. David. Recept Developments in the Study of Russian America: Examples from Alaska. Dilliplane Timothy (Ty) L. Supplyng Russian America: A Preliminary Search for the Kiahtha role; Харинский А. В., Мак Мэхан Д., Диллиплэйн Т. Археологические исследования в Кяхтинской слободе. Русская Америка и Восточная Сибирь: материалы региональной научно-практической конференции с международным участием (Кяхта, 14 августа 2009 г.) — Иркутск, 2001. — 252 с.

3. Анна Скок. Русская Америка глазами сибирского священника. — URL: [www://zema.su/blog...irkutskogo-mikhailo...evgenii-startsev](http://www.zema.su/blog...irkutskogo-mikhailo...evgenii-startsev)

4. МИБ ОФ № 17693.

5. Капалин Герман Михайлович (митрополит Калужский и Боровский Климент). Русская православная церковь и освоение Тихоокеанского севера в XVII–XIX вв. (по материалам Аляски: диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук). — М., 2014.

УДК 322(5-01)

DOI: 10.18101/978-5-9793-0756-5-45-50

**ГЛОБАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ МОДЕРНИЗАЦИИ
ВЕРОИСПОВЕДНОЙ ПОЛИТИКИ И КОНФЕССИОНАЛЬНОГО
ПРОСТРАНСТВА СТРАН СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ
РУБЕЖА XX — нач. XXI в.**

© Игорь Ашотович Арзуманов

доктор культурологии, профессор, Иркутский государственный университет

В статье рассматривается многообразие идеологий эпохи модерна и глобальные факторы в регионах Северо-Восточной Азии, которые и подразаумевают и процессы «глобальной локализации» ценностных метанарративов антроподоктринальных интенций религиозных культур традиционного типа. Анализ данных процессов объективно должен базироваться и опираться на компаративистику процессов модернизации вероисповедной политики в этих странах.

Целенаправленная экспансия постпротестантских деноминаций из Южной Кореи стала фактором национальной безопасности для многих стран. Ситуация в Южной Корее явилась результатом ничем не сдерживаемой экспансии политико-правовых и идеологических форм либерально-демократической глобализации.

Ключевые слова: глобализация, эпоха, модерн, вероисповедная политика, регион, деноминация, экономика, рынок, европоцентризм.

GLOBAL FACTORS OF MODERNIZATION OF THE RELIGIOUS POLICY AND RELIGIOUS SPACE OF THE COUNTRIES OF NORTHEAST ASIA ON THE EDGE OF XX — BEGINNING OF XXI CENTURIES

Igor Arzumanov

Doctor of Culturology, Professor, Irkutsk State University

The article examines the diversity of ideologies of modernity and global factors in the regions of North-East Asia, and involve a process of "global localization" value metanarratives the anthro-doctrinal intentions of the religious cultures of the traditional type. The analysis of these processes should be based objectively and based on the comparative studies of religious processes of modernization policies in these countries.

Targeted expansion postprocessors denominations from South Korea, has become a factor of national security for many countries. The situation in South Korea was the result of unchecked expansion of political, legal and ideological forms of liberal-democratic globalization.

Keywords: globalization, the era, art Nouveau, religious policy, region, denomination, economy, market, Eurocentrism.

Современные политические системы КНР, КНДР, Японии, Монголии и Республики Корея являются в целом самодостаточными и обладают высокой степенью эффективности в выполнении возложенных на них функций внутри данных политических систем. Внешние же оценки эффективности политических систем различны и диаметрально противоположны, что обусловлено объективными и субъективными факторами власти во внутригосударственных и международных отношениях. Проблематика модернизации мировых политико-правовых систем пронизывает целый ряд нарративов государственного и общественного обустройства стран Северо-Восточной Азии. К основным из них явно или латентно относится нарратив глобальности. Его институциональные измерения являются основными в предметном ряду интерпретаций идеологических проектов модернизации мировых политических систем. Как правило, имеются в виду глобальная взаимосвязанность экономических процессов, система международных отношений между нациями-государствами, развитие наднациональных организаций, индустриализация с ее глобальным разделением труда и дифференциацией между более и менее индустриализованными областями планеты, скоординированность финансовых рынков, демократизации и развития коммуникации (культурная глобализация с утверждением доминирования США, ставших после краха Советского Союза единственной сверхдержавой). В этом контексте достаточно характерным является определение глобализации, данное И. И. Лукашук: «Глобализация представляет из себя всемирный процесс, взаимосвязывающий национальные социально-экономические образования в единую мировую экономическую и общественную систему» [1, с. 1.]. В этом смысле макрометодологические позиции анализа базируются на осознании того, что с позиций европоцентризма и глобализация, и модернизация — понятия, касающиеся совокупности различных процессов становления и развития современных об-

ществ, — тем не менее имеют один интеграционно-идеологический модуль — секуляризационный. Его многовековой разворот, ставший становой хребтом Нового времени, казалось бы, привел к таким трансформациям, при которых аксиологические локусы традиционных религиозных институтов, на первый взгляд, более не актуализируются социальной реальностью. Интенсивная реализация секулярных тенденций, которые были уже изначально заложены в самой природе модерна, институциональная и индивидуальная атомизация общественной жизни ставят под вопрос саму возможность маркировки ряда классических социальных функций религии и понимания религиозности как идеолого-доминирующего общественного фактора.

С другой стороны, многообразие идеологий эпохи модерна в условиях региона Северо-Восточной Азии подразумевает и процессы «глобальной локализации» ценностных метанарративов антроподоктринальных интенций религиозных культур традиционного типа. Являясь детерминантой ряда национальных государств с имперскими интенциями политической культуры, они сами претерпевают институциональную модификацию, обусловленную общей социокультурной трансформацией. Речь идет не только о процессах макрорегионализации стран по признаку культур-цивилизационной или политико-правовой маркировки, но и характеристиках локальных этноконфессиональных общностей. Данный посыл актуализируется констатацией видения процессов региона Северо-Восточной Азии как переходных от традиционного общества к современному в его, прежде всего, идеологической маркировке социополитической модернизации на рубеже XX–XXI вв.

Анализ объективно должен базироваться на компаративистике процессов модернизации вероисповедной политики в этих странах с ситуацией в современном Китае. Данное обстоятельство обусловлено, во-первых, исторической ролью Китая как регионального донора основных архетипических моделей правосознания, правопонимания и политической культуры, поскольку уже к VII–VIII вв. н. э. Китай за 2500 лет своей предшествующей истории создал идеологическую, религиозную, политическую и правовую базы для появления восточноазиатской цивилизации. Идеологической базой стали философские учения в Китае и прежде всего конфуцианство, религиозной — буддизм, политической — концепция власти государя, дарованной Небом, власти (личности) императора, способного своим благим влиянием (дэ) цивилизовать (хуа) соседние народы. К середине VII в. сложилось китайское право, ставшее ядром восточноазиатской семьи права. Корея и Япония заимствовали у Китая идеографическую письменность и вместе с ней значительные пласты китайской культуры (вэнь), в том числе буддизм и конфуцианство как идеологию управления, и рецептировали китайское право. Общая письменность и письменная культура, конфуцианство, буддизм как ведущая религия, общие основные нормы права, определенное заимствование и следование китайской военной теории создали восточноазиатскую цивилизацию, определили основные культурологические параметры политических систем государств региона.

Во-вторых, обусловлено сходностью процессов глобализации правовой системы и декларацией модернизационных форм продуктов конституциона-

лизма, в-третьих, и это самое основное — Китай (как собственно и Япония) являет собой образчик процессов национально-культурной самоидентификации на базе культурцивилизационных архетипов социальной организации и форм политической и правовой культуры, заложенной им в восточноазиатском регионе. В условиях региональной политико-правовой трансформации XX — нач. XXI в. социокультурный подход наиболее перспективен для выявления реальных социополитических связей права и институтов общества. Макрометодологически в свете проблем анализа функционирования религиозных институтов этот подход основан на системном рассмотрении и анализе социума, т. е. общественных отношений, учреждений, организаций, деятельности, движений и культуры как ценностно-смысловой сферы общественной жизни. Он позволяет, по мысли О. Э. Лейста, избежать дуализма «социального бытия» и «социального мышления» — духовных основ культурцивилизационного генезиса правовой реальности как системы [2, с. 16]. И в первую очередь таких ее основных элементов, как правоотношения, правосознание и правовая культура, к сфере которой относятся связи политики и права с моралью, религией и идеологией общества. Именно в этой сфере объективно выражены основные тенденции и возможные prerogatives регулирования процессов интеграции в трансформационных условиях современной глобализации. Последняя рассматривается в контексте процессов модернизации — внедрения идеологических нарративов Нового времени, имеющих в северо-восточном регионе Азии ряд специфических маркеров.

Наиболее яркий из них — государственное (конституционное) право. Оно является своеобразной «душой» правовой реальности стран европейской общности — «доноров» системно-правовых идеологем для ряда стран Северо-Восточной Азии. В данный регион входят Российская Федерация, Китайская Народная Республика (КНР), Корейская Народная Демократическая Республика (КНДР), Республика Корея (РК), Япония, Монголия. Необходимо учитывать, что в свою очередь государства Северо-Восточной Азии относятся к странам АТР — обширнейшему региону мира, объединяющему более 50 государств, среди которых страны Юго-Восточной Азии и бассейна Тихого океана. Исторически формирование конституционно-правовых систем в этом регионе шло под влиянием христианства — романо-германской и англосаксонской ветви — Россия, США, Канада; конфуцианства — Китай, Япония; ислама и индуизма — Индонезия, Малайзия.

Для модернизационных процессов в данном регионе, как и в целом в мире, характерна экстерриториальность как основная динамическая характеристика глобализации в целом. На современном этапе экстерриториальными являются экономическое, технологическое, информационное, социокультурное, правовое и целый ряд других пространств, находящихся в системе модернизационных взаимовлияний.

В связи с этим мы не можем не констатировать и факт того, что современные процессы глобализации в большинстве стран имеют методологическую кальку периода великих колониальных империй (по характеристикам экономического и идеолого-мировоззренческого компонентов). Особенно показательны данные характеристики проявляются в процессах модернизации

национальных правовых систем стран, имевших (Россия, Монголия) и имеющих (Китай, Северная Корея) социалистическую ориентацию. Еще более показательны — в обусловленных модернизацией национальных правовых систем региональных процессах, связанных с миссионерской деятельностью конфессий и деноминаций. Институциональная интервенция религиозных инноваций осуществляется уже не только с территорий стран — доноров либерально-демократической идеологии, но и с территорий стран Северо-Восточной Азии, ставших на рубеже XX–XXI вв. плацдармом для миссионерской геоэкспансии в странах АТР [3, с. 9–11].

Важными в связи с этим культурцивилизационными константами в составе АТР кроме России и Монголии являются Китай, Япония, Канада, Южная Корея и США. Собственно процессы модернизации (как проекция философско-политического и мировоззренческого комплекса Нового Времени в условиях XX — нач. XXI в.) в странах Северо-Восточной Азии проходят в преимущественном доминировании либерально-демократической идеологии, в фарватере которой выступают США. Последнее обстоятельство (характеризующее процессы «вестернизации») определяет характер глобализационных процессов как детерминант становления и формирования современных конституционно-правовых систем стран региона с «восточной» культурцивилизационной маркировкой. В последнее десятилетие процессы модернизации базовых сфер жизни стран региона проходят в так называемый период «девестернизации», в которых и либеральные экономико- и политико-правовые ценности соотносятся с одной стороны с национальными традициями и детерминированной ими прагматикой экономических прерогатив, с другой — с глобализационными интенциями эпохи развитого социализма в странах, где данная идеологическая парадигма еще не изжита из методов политико-правового регулирования общественных отношений (Китай, Северная Корея).

В Конституции Корейской Народно-Демократической Республики 1972 г. закреплены идеологические параметры построения социалистического государства. С одной стороны, основанные на мировоззренческой базе идей «чучхе», а с другой, декларирующие «модерные» ценности европейского конституционализма. Так, ст. 67 главы V Конституции КНДР гласит: «Основные права и обязанности граждан» констатируют право граждан на «свободу слова, печати, собраний, демонстраций и объединений. Государство создает все условия для свободной деятельности демократических политических партий и общественных организаций». Но институт свободы совести, зафиксированный в ст. 68 [4], ограничен целым рядом политико-административных решений. Дело в том, что в рамках идеологии «чучхе» Конституция КНДР четко стратифицирует все население страны по признаку опоры ее суверенности на рабочих, крестьян и рабочую интеллигенцию. Как показывает правоприменительная практика, верующие в общей данности стратификации слоев населения по признаку их возможной нелояльности к режиму причисляются к враждебному слою. Так, сюда кроме «подозрительных женщин» — бывших шаманок, куртизанок-кисэн и их ближайших родственниц относятся лица, исповедующие протестантизм и исполняющие

протестантские обряды, лица, исповедующие буддизм и исполняющие буддийские обряды, лица, исповедующие католицизм и местные конфуцианцы [5, 6, с. 90–92].

Показательно, что наравне с другими группами населения, подвергающимся государственному остракизму, представители данных религиозных групп могут найти себе спутников жизни только среди представителей своей же группы, что, как и в когда-то маодзэдуновском Китае, окончательно превращает эти слои в касту неприкасаемых [6, с. 94]. Жесткость позиции государства преимущественно обусловлена не только становящейся экзотической идеологией коммунизма, но и южнокорейским феноменом реализации «западной» проекции глобальных сценариев миссионерской геополитики XX в. Целенаправленная экспансия постпротестантских деноминаций из Южной Кореи стала фактором национальной безопасности для непосредственных северных соседей — КНДР, Китая. Ситуация в Южной Корее явилась результатом ничем не сдерживаемой экспансии политико-правовых и идеологических форм либерально-демократической глобализации.

Необходимо отметить, что поскольку доступ миссий в эти страны с территории Южной Кореи затруднен в силу сложившихся внешнеполитических взаимоотношений и законодательных ограничений, то в настоящее время более успешно эта работа может проводиться из России, ставшей плацдармом не только для протестантских инноваций.

Литература

1. Лукашук И. И. Глобализация, государство, право. XXI век. — М.: Спарк, 2000. — 262 с.
2. Лейст О. Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права / под ред. В. А. Томсинова. — М.: Зерцало, 2008. — 452 с.
3. Арзуманов И. А. Философско-правовой аспект идеологической трансформации вероисповедной политики России в Байкальском регионе XX–XXI вв. // Этничность и власть: материалы VI Междунар. семинара (Ялта, Алушка, 14–16 мая 2007 г.) / под ред. Т. А. Сеньюшкиной. — Симферополь: Таврия, 2008. — С. 9–11.
4. Конституция КНДР [Электронный ресурс]. — URL: <http://constitutions.ru> (дата обращения: 05.06. 2012 г.).
5. Ланьков А. Н. Репрессивный аппарат и контроль над населением в Северной Корее [Электронный ресурс]. — URL: <http://travel.ru> (дата обращения: 18.03.2012 г.).
6. Юрковский А. В. Конституционно-правовые основы развития политических систем стран Северо-Восточного Азиатского региона: монография. — Иркутск: Изд-во Иркутского юридического института (филиала) академии Генеральной прокуратуры РФ, 2008. — 443 с.